

У ИСТОКОВ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Как известно, центральной проблемой материалистической диалектики является вопрос о внутреннем источнике развития. В качестве такого выступает противоречие. Принцип противоречия как внутреннего источника развития в истории домарксистской диалектики впервые был сформулирован в классической немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. Причем исторически формулировка этого принципа (что само по себе следует оценивать как наиболее выдающееся открытие в истории диалектики) стала возможной на основе отождествления противоречий (диалектических) мышления и противоречий бытия. Предшественники же классиков немецкой философии понимали «противоречие» в одном-единственном значении — как логическое противоречие.

Зародыш диалектической концепции противоречия содержался в учении Канта об антиномиях чистого разума... Мы говорим «зародыш» и не более, поскольку и сам термин «противоречие» Кант истолковывает в традиционном смысле логического противоречия и сами антиномии у него понимаются не как гносеологические образы объективных противоречий, а лишь как чисто субъективные феномены, возникающие при выходе разума в сферу трансцендентного, в мир вещей в себе. Но именно из учения Канта об антиномиях выросла концепция продуктивного, порождающего противоречия Фихте и Шеллинга, получившая свое завершение в гегелевской концепции самопротиворечивости всего сущего как источнике самодвижения.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания кантовского учения об антиномиях чистого разума, следует остановиться на учении о так называемых реальных противоположностях, развитом Кантом в работе докритического периода «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763) и подготовившем в известном смысле учение об антиномиях.

Кант ставит вопрос о необходимости различать два вида противоположности: логическую через противоречие и реальную без противоречия. Общее между ними: и к той и другой применимо определение — одно упраздняет то, что полагает другое. Вместе с тем существует и различие. Логическая противоположность — отношение контрадикторных противоположностей: относительно одной и той же вещи нечто одновременно утверждается и отрицается. Например, тело находится в движении и в то же время в том же смысле утверждается, что тело не находится в движении (S есть P и не есть P). Следствием такого логического соединения (конъюнкции) является ничто (непредставимое).

Реальная противоположность присуща самим вещам и тоже является отношением двух противоположных свойств одной и той же вещи, но уже не по закону противоречия. Например, сила, действующая на тело в одну сторону, и равное стремление (по закону инерции) в другую сторону, противоположную первой, не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно. Следствием является покой, который есть нечто (представимое). Эти противоположности реальны в том смысле, что каждая противоположность не есть простое отрицание другой, а сама по себе есть нечто утвердительное, некая позитивность, упраздняющая действие другой. В случае логической противоположности безразлично, которая из противоположностей (контрадикторных) есть действительно позитивность, но ее отрицание не есть позитивный процесс упразднения одной противоположностью другой, а просто отсутствие противоположности.

Реальная противоположность возникает при следующих условиях:

1) противоположности должны принадлежать одному субъекту;

2) противоположности не должны быть контрадикторными;

3) одна противоположность должна отрицать то, что предполагает другая противоположность;

4) реальная противоположность, будучи отношением двух позитивностей, есть относительная противоположность — относительная в том смысле, что она возникает в отношении противоположностей, а не есть изначальное свойство отдельных противоположностей. Вне отношения их можно рассматривать как потенциально противоположные.

Тезис о том, что результат реального противоречия есть нуль, Кант кладет в основание той картины мира, которую можно назвать механической. «Все реальные основания Вселенной, если сложить те, что согласуются между собой, и вычесть те, которые противоположны друг другу, дают результат, равный нулю. Мир в целом сам по себе есть ничто, разве по воле другого он есть нечто» (2, 114). Совершенство мира, по Канту, поддерживается только борьбой противоположных сил. В мире имеет место лишь перераспределение движения (рост в одном месте — убывание в другом). Однако совершенно иное соотношение, по Канту, между материальным миром и богом. В высшем существе не может быть реальных противоположностей, «поскольку все дано в нем и через него, оно обладает всеми определениями, поэтому в его собственном бытии невозможно никакое внутреннее устранение» (2, 119). Высшее существо состоит из одних только плюсов, из одних позитивностей. Божественная воля, по Канту, содержит в себе реальное основание существования мира. Божественная воля есть нечто совсем другое. Тем самым бог у Канта стоит над миром, и

поэтому не может быть противоположности между реальным основанием мира и божественной волей.

В целом кантовское учение о «реальных противоположностях» явилось шагом вперед по сравнению с прежним метафизическим запретом противоречия. Конечно, у Канта здесь нет еще подлинной диалектики, так как «противоположности» рассматриваются как две разные «вещи», т. е. как сосуществующие, а не как взаимопроникающие, и поэтому нет еще никакого понятия об их конкретном единстве, из которого нужно вывести и объяснить также и превращение полярных противоположностей в «положительные» внутри себя и относительно самостоятельные. Наоборот, здесь лишь присутствует механическое сложение изначально различных сил, которое в результате дает нуль — состояние покоя. Из кантовских реальных «противоположностей» удалено самое главное — это противоречие, а поэтому они не могут взаимопроникать друг в друга, вследствие чего являются диалектическими. Тем не менее учение о реальных противоположностях явилось «точкой роста» для диалектической концепции противоречия. Именно из этого учения, когда оно в «Критике чистого разума» было применено Кантом к познанию, выросло учение об антиномиях, хотя само выражение «реальные противоположности» он здесь не употребляет, видимо, из-за критического отношения к «метафизическим» проблемам.

В «Критике чистого разума» осуществляется переход от рассмотрения онтологических проблем противоположностей к гносеологическим. Рассудок претендует на «абсолютный и безусловный синтез» всех частных обобщений в составе единой теории, развитой из единого принципа. А это значит, что рассудок заходит в область познания вещей в себе. Кант называет такой ход мышления «трансцендентальным применением разума», т. е. таким применением, которое ему противопоказано. Результатом такого применения оказывается антиномия, которая разрушает рассудок.

Прежняя логика пыталась разрешить противоречия простым отрицанием одних предикатов и утверждением других. Поэтому Гегель позднее и назвал указанный метод мышления метафизическим. Прежняя метафизика пыталась, отмечал Э. В. Ильенков, организовать сферу разума, т. е. «безусловный синтез понятий», без нарушения высших законов мышления — закона тождества и закона запрета противоречия. Метафизика «...применяла эти законы к самим категориям, стараясь охватить все категории в одной непротиворечивой системе. А это принципиально невозможно. Это и значит, что рассудок не осознавал в ней границу своей законной применимости и залетал в такую область, где все его законы и предписания бессильны. За что он каждый раз и наказывался антиномичным саморазрушением, впадал в «диалектические иллюзии». Эту антиномичность

мышления в ходе решения высших синтетических задач познания и назвал Кант «естественным состоянием разума»....¹

Оценивая учение Канта об «антиномиях», заслугу его можно видеть в том, что он отделил познавательные противоречия («антиномии чистого разума») от чисто логических. Хотя по своей логической форме «антиномии чистого разума» тождественны логическим противоречиям, но имеются существенные различия по содержанию: а) в логических противоречиях два контрадикторных высказывания не могут быть одновременно истинными: если истинно одно, то другое ложно, или оба эти высказывания ложны. В антиномии же, наоборот, оба эти высказывания могут быть истинными или ложными; б) в логическом противоречии лишь одно высказывание позитивно, другое есть просто его отрицание. В антиномии, наоборот, оба высказывания позитивны.

Разрабатывая учение об антиномиях, Кант апеллировал не только к чисто логическим доказательствам (что одинаково истинны тезис и антитезис), но и к истории философии, где были поставлены эти проблемы и имела место борьба противоположных направлений. Тезисы доказывались представителями догматизма чистого разума (в большинстве своем идеалистами), антитезисы — эмпиризмом (материализмом).

Наиболее простыми и естественными, по Канту, являются доказательства антитезисов. Как ученый Кант симпатизирует эмпиризму, но, учитывая социальные и нравственные интересы, он склоняется на сторону тезисов. Выявив содержательное отличие «антиномии чистого разума» от логических противоречий, Кант предлагает такой способ истолкования их источника и теоретического разрешения, который сохраняет неизбывной формальную логику.

По Канту, антиномии носят субъективный характер — это чистая видимость, так как «идеи чистого разума сами по себе никогда не могут быть диалектическими, только злоупотребление ими приводит к тому, что они вызывают иллюзии, вводящие в заблуждение» (3, 569). Антиномия есть противоречие разума с самим собой, возникающее вследствие отождествления свойств мира явлений (феноменов) и вещей в себе (ноуменов). Здесь Кант поставил непреодолимую пропасть между явлением и сущностью. Для него это было предпосылкой, чтобы развести антиномические противоречия в различия и доказать, что, собственно, никакой антитетики чистого разума нет. Отыскав такую предпосылку, Кант кладет ее в основу всей своей критической философии и последовательно придерживается ее. Она помогает ему предотвратить взаимопроникновение тезисов и антитезисов в его динамических антиномиях. Но все же антиномии неизбежны, они свидетельствуют лишь об ограниченности человеческого разума.

Как отмечалось выше, кантовское учение об антиномиях

явилось истоком диалектической концепции противоречия. Прежде всего из этого учения выросла концепция продуктивного противоречия Фихте и Шеллинга. Исходя из кантовского различия антиномии и логических противоречий, они совершенно по-другому понимают функцию антиномий. Если для Канта антиномия как противоречие разума с самим собой порождает лишь беспокойство, заставляет вспомнить о необходимых пределах познания, а осознание причины антиномии снимает беспокойство, психологическое напряжение, то, по Фихте, противоречие в Ichkeit (по Шеллингу, в глубочайших недрах интеллигенции) вызывает и стимулирует ее деятельность, направленную на самосознание. Последнее же мыслится как процесс порождения, становления Я, то есть интеллигенции и мира. Причем развитие кантовского учения происходит не только содержательно, но и терминологически. Таким продуктивным, порождающим началом выступает уже не «антиномия», а «противоречие», но противоречие в новом понимании, а не как логическое противоречие. Само противоречие, будучи отношением противоположностей, есть отношение не относительных противоположностей, каковыми выступают, по Канту, реальные противоположности, а между абсолютными противоположностями. Абсолютная противоположность отличается от относительной противоположности тем, что она не есть результат отношения, а является изначальным свойством всего сущего. Все предметы и явления в себе содержат свою противоположность, свое отрицание, поэтому они противоречивы, самопротиворечивы. Противоречие является отношением между противоположными деятельностями, изначально присущими Я: бесконечной и ограничивающей, реальной и идеальной, между полаганием Я и не-Я. Само это отношение существует в форме становления самосознания, интеллигенции. Чтобы этот процесс не прекратился, Я должно одновременно и объединять противоположности и вместе с тем сохранять, иначе исчезнет противоречие и становление². Интересно, что если Шеллинг без всяких оговорок говорит о противоречии как движущем принципе, то Фихте употребляет, наряду с термином *Widerspruch* (противоречие) и термин *Widerstreit* (столкновение, спор): «Я, будучи одновременно безграничным и ограниченным, приходит в столкновение (*Widerstreit*). Это противоречие (*Widerspruch*) должно быть снято»³. Тем самым мы видим процесс формирования адекватного категориального и терминологического истолкования «противоречия».

Дальнейшее обобщение и развитие эти идеи нашли в гегелевской концепции противоречия. Рамки статьи нам позволяют остановиться лишь на одном аспекте этой концепции — на вопросе о понимании содержания антиномий и форм их разрешения. Рассмотрение этой проблемы важно не только в историко-философском, но и в теоретическом плане.

Как известно, Гегель высоко оценил кантовское учение об антиномиях, но вместе с тем он отметил, что антиномий не четыре, а «в каждом понятии имеются антиномии, так как оно не просто, а конкретно, содержит в себе, следовательно, различные определения, которые вместе с тем противоположны»⁴. Можно также сказать, что Гегелем разработан также метод разрешения антиномий, существенно отличный от кантовского. В целом он сводится к опосредованию противоположностей. Но формы этого опосредования различны. Очень часто антиномия возникает при объяснении причинных связей конкретных явлений. Гегель приводит следующий пример. В исторических исследованиях, чтобы преодолеть бесконечный прогресс в описании причинно-следственных связей, приходит к мысли о взаимодействии причины и следствия: характер и нравы определяются государственным строем, но и сам государственный строй определяется характером и нравами. Налицо антиномия в исторических теориях, описывающих причинную связь типа взаимодействия. По Гегелю, разрешается такой тип антиномии, когда противоположности познаются как моменты третьего — основания антиномии. Применительно к рассмотренному примеру таким третьим, по Гегелю, является понятие⁵, а в рационально-материалистическом понимании наиболее глубоким объясняющим основанием всех духовных и политических отношений являются экономические отношения. Но сам метод разрешения антиномий, сформулированный Гегелем, вполне применим к описанию конкретных взаимодействий, в особенности когда речь идет о взаимодействии противоположностей типа: корпускулярно-волновой дуализм, капитал возникает в обращении и не возникает в обращении.

Но этот метод неприменим к разрешению антиномий, возникающих при описании противоречивой природы атрибутивных, универсальных характеристик материй, которые фактически отображены в антиномиях Канта: антиномия конечного и бесконечного, простого и сложного, свободы и необходимости, случайности и необходимости. Здесь невозможен выход к третьему как к чему-то более универсальному. Метод разрешения здесь сводится к выяснению, одинаково или неодинаково фундаментальное значение имеют тезис и антитезис антиномии? Разрешая антиномию конечного и бесконечного, а это требовало применения принципа развития, Гегель показал, что бесконечность следует понимать как процесс перехода одного конечного в другое конечное и что бесконечность есть закон этого перехода, закон становления конечного и тем самым бесконечность есть сущность конечного, но не наоборот.

Подобно этому, сложное есть основа простого и его сущность; большая фундаментальность категории необходимости выражена в известных определениях: свобода есть познанная

необходимость, а случайность является формой проявления и дополнения необходимости.

Проблема статуса антиномий, их роли в научном познании живолюбно обсуждается в современной марксистской литературе. Особенно важен вопрос о роли теоретических антиномий в построении адекватного теоретического «образа» объективного, предметного противоречия.

Степень адекватности «образа» объективному противоречию зависит от познающего субъекта: от логических средств познания и способов их использования, от уровня развития способов теоретического мышления и т. д. Поэтому теории можно отличать друг от друга по различной степени адекватности противоречию объекта. Такие признаки диалектического противоречия, как «содержать в себе свое иное», взаимопроникновение противоположностей, самоотрицание и т. д., адекватно отражаются в тех теоретических дефинициях, которые построены не по принципу «или — или», а по принципу «как то, так и другое». В теории, содержащей подобные дефиниции, в обычную последовательность изложения включаются парадоксы, антиномии. Если возникающий парадокс побуждает мысль к движению, то антиномичная формулировка парадокса (наподобие кантовских антиномий) позволяет остро диалектически поставить проблему.

Но ни парадокс, ни антиномия не могут рассматриваться как адекватный образ объективного противоречия. В них объективное противоречие воспроизводится лишь со стороны раздвоения, наличия несовместимостей, наподобие известной антиномии: движущееся тело в каждое «теперь» находится и не находится «здесь», но не как взаимопроникновение противоположностей, тем самым противоречие не воспроизводится с его деятельной стороны.

Развитие теории посредством парадоксов и антиномий следует считать важным моментом специфики диалектических противоречий познания. Более того, парадокс, антиномии выступают как специфические логико-гносеологические формы существования диалектического противоречия; специфические потому, что объективное противоречие не существует в форме парадокса или антиномии. Оно не застревает в подобной раздвоенности, а, постоянно возникая и разрешаясь, существует как процесс самодвижения. Парадокс и антиномия, выступая как формы теоретического воспроизведения и как специфические формы существования диалектического противоречия в структуре научной теории, представляют известное субъективное «огрубление», которое состоит в том, что они являются негативным «срезом» объективного противоречия, как бы приостанавливающим его функционирование. С логической стороны их формулы «и находится и не находится», «как то, так и другое» и т. п. — внешне воспринимаются как логиче-

ски противоречивые высказывания, которые ложны. Мы говорим «внешне», ибо противоречивость здесь — результат не простого нарушения законов логики, а диалектической постановки проблемы (но не решения ее).

Подобное «заострение» необходимо, когда осуществляется имманентный переход от одной категории к другой, от одного уровня проблемы к другому и от одной теории к другой теории. Развитие теории осуществляется тогда как результат раскрытия и разрешения противоречий, обнаружившихся в предшествовавшей теории или на предшествовавшем уровне исследования, а не как чисто формальное продвижение с помощью словечек «затем», «далее», «таким образом» и т. п., создающих лишь видимость переходов, но не сами переходы.

Если высказывания, о которых речь шла выше, вырвать из контекста и не видеть их связи с предыдущим и последующим ходом мысли, рассматривать как таковые, то усмотреть здесь что-нибудь иное, чем логическую незавершенность или просто «страсть к парадоксам», конечно, очень трудно. Но когда эта связь учтена, тогда антиномия органически вписывается в ткань, в структуру теории. Причем особенно важно показать ее связь с последующим развитием теории, выступающим как разрешение антиномии. Если же мысль останавливается на антиномии, то тогда упрек в логической незавершенности справедлив.

Правда, в этом случае перед нами не обычное логическое противоречие, поскольку причина антиномии не простое нарушение законов логики. Но когда показано, что антиномия разрешилась таким образом, что из нее выросла новая теория, диалектически снимающая прежнюю, тогда обвинение в непоследовательности может идти не от формальной логики, а от метафизики. Именно таким образом безуспешно опровергают «Капитал» буржуазные критики, пытаясь диалектический способ развития теории выдать за нарушение законов логики, в частности, пытаясь найти противоречие между первым и третьим томами «Капитала». С точки зрения формальной логики, «Капитал» — последовательная, непротиворечивая система категорий. Но это последовательность более высокого «ранга», поскольку она достигнута диалектическими средствами, а именно на основе принципа отрицания отрицания: а) первое отрицание — прерывание хода мысли постановкой антиномии; б) отрицание отрицания — разрешение антиномии путем перехода на новый уровень проблемы и выработки новой теории, вновь восстанавливающей непрерывность.

Тем самым в «Капитале» мы имеем адекватную теоретическую модель самодвижения и диалектического противоречия, и «Капитал» выступает как специфическое теоретическое отражение предметных противоречий, в частности противоречий

товара, и, следовательно, как гносеологическая форма существования диалектического противоречия.⁶

Поэтому вопрос: противоречив или не противоречив «Капитал» — решается следующим образом: он не противоречив как строго последовательная система категорий, но вместе с тем «Капитал» — это теоретическая модель, «образ» объективного противоречия, отраженное противоречие, существующее и проявляющееся в процессе и через процесс диалектической дедукции экономических категорий. Этот процесс состоит из моментов как прерывности (формулировка антиномий), так и непрерывности (разрешение антиномий и выработка новой теории), взаимно отрицающих и дополняющих друг друга.

¹ Ильенков Э. В. Предмет логики как науки в новой философии. — Вопросы философии, 1965, № 5, с. 81.

² См.: Шеллинг Ф. В. Система трансцендентального идеализма. М., 1936, с. 69—71.

³ Fichte I. G. Auswahl in sechs Bänden. Bd. I. Leipzig, 1911, S. 496.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Соч. М. — Л., 1935. Т. 11, с. 435.

⁵ См. там же, 1929, т. 1, с. 257—258.

⁶ Последнее, конечно, не означает, что противоречие существует в «Капитале» как в книге, т. е. в определенной знаковой системе, а лишь то, что чтение и овладение его содержанием вызывает такой творческий познавательный процесс, который выступает как теоретическая форма существования движения и разрешения диалектического противоречия.

Ю. Н. СОЛОНИН

НАТУРФИЛОСОФИЯ И. КАНТА И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ XIX ВЕКА

Проблема «Кант и естествознание» в истории кантоведения в целом решалась двумя основными способами. В одном случае исследовалось содержание и значение естественнонаучных трудов И. Канта (докритический период). Этот аспект научного наследия великого философа издавна привлекает к себе внимание специалистов и может быть назван «Кант как естествоиспытатель». Его марксистские оценки даны Ф. Энгельсом. Во втором случае внимание концентрировалось на установлении влияния собственно философских идей И. Канта на развитие научного мышления в послекантовский период, вплоть до настоящего времени. Буржуазная философия науки как в неокантианском, так и в неопозитивистском вариантах в значительной степени сводила это влияние к факту формирования «критицизма» как главного свойства и одновременно критерия современной научной «рациональности». Марксистский подход был существенно иным: главным в нем было — показать значение кантовского анализа познавательных способностей разума для развития диалектико-материалистической теории познания. В последние два десятилетия определилось третье